ОГОНЕКЪ
Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

858

№ 44 Понедѣльникъ, 12 (25) декабря 1905 г. № 44

Жакері...

Крестьянское движеніе во Франціи.

(Изъ исторіи XIV вѣка).

Всѣ мы прекрасно знаемъ исторію великой французской революціи. Еще на школьной скамьѣ мы упивались повѣствованіями объ этой героической эпохѣ. Мы преклонялись передъ грознымъ величіемъ государя-народа, объявившаго всему свѣту свою державную волю и бросившаго вызовъ монархіямъ всей Европы.

Но что у насъ извѣстно о возстаніи XIV вѣка, о сельскомъ бунтѣ во Франціи, съ которымъ теперь сравниваютъ происходящее нынѣ въ разныхъ краяхъ Россіи грозное крестьянское движеніе? Многимъ-ли знакомъ самый терминъ „жакерія (jacquerie)", который теперь попадается на газетныхъ столбцахъ.

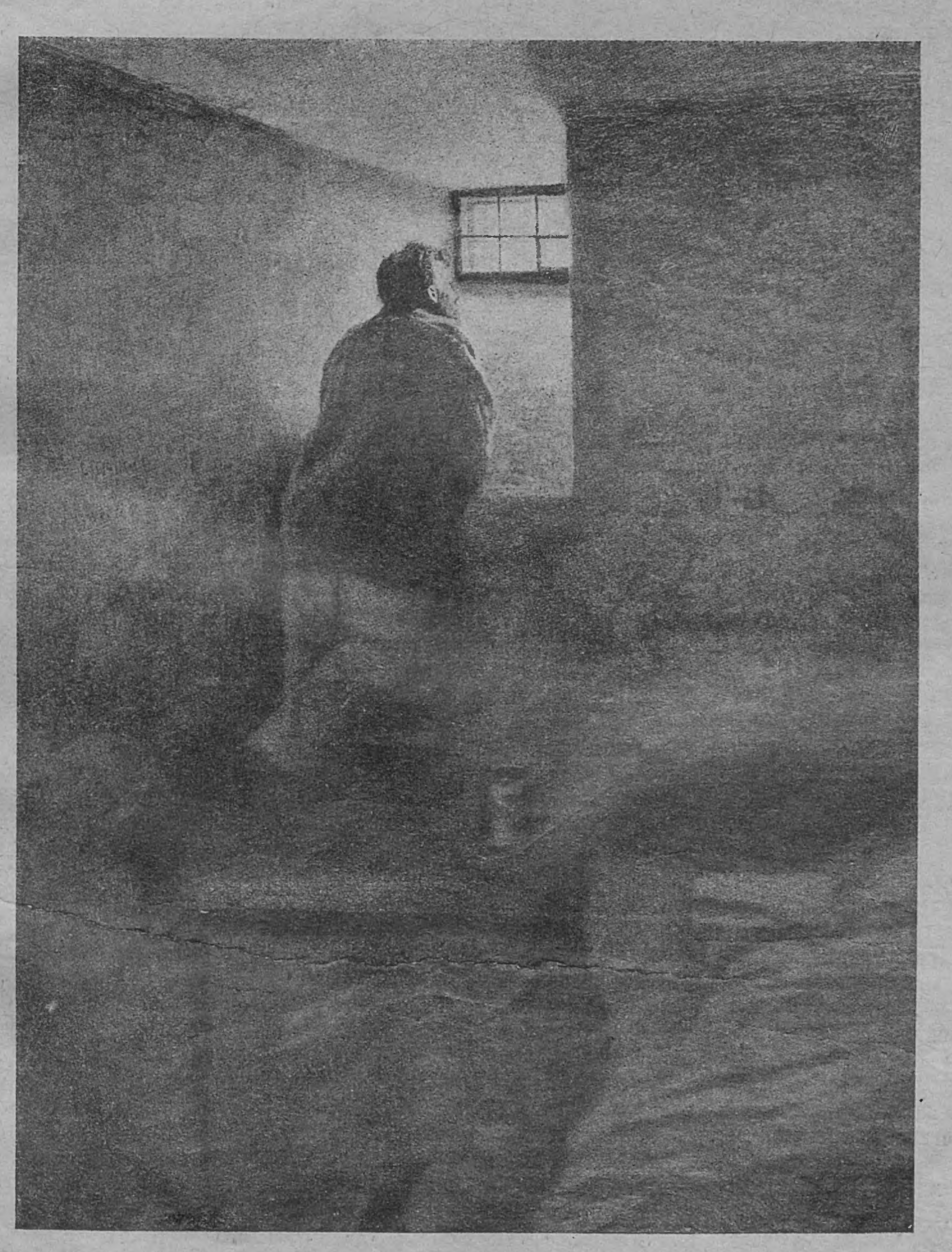
Незнакомство это вполнѣ понятно, если разсудить, что въ рѣдкихъ русскихъ учебникахъ всеобщей исторіи жакерія не обойдена полнымъ молчаніемъ. Впрочемъ, даже во французскихъ учебникахъ этому средневѣковому эпизоду посвящается обыкновенно не больше десятка-другого строкъ. Считается нужнымъ какъ-будто объяснить не столько историческое значеніе перваго организованнаго возстанія народа, сколько происхожденіе термина, который съ тѣхъ поръ примѣняется къ аграрнымъ волненіямъ, сопровождающимся насиліями по отношенію къ богатымъ помѣщикамъ.

А между тѣмъ, какъ и у насъ о пугачевщинѣ, память о жакеріи осталась живой во французскомъ народѣ. Извѣстный историкъ великой французской революціи, проф. Оларъ констатировалъ, что преданія о репрессаліяхъ сельской черни противъ благородныхъ обитателей замковъ подготовили народъ къ быстрому воспріятію идей XVIII вѣка, когда въ Парижѣ въ 1789 г. разразилась финальная борьба буржуазіи съ королевскимъ режимомъ. Села не замедлили тогда присоединиться къ движенію городовъ, потому что тамъ помнили о былой совмѣстной борьбѣ крестьянъ и горожанъ противъ знати.

Жакерія продлилась сравнительно не долго—меньше двухъ мѣсяцевъ: отъ мая до конца іюня 1358 г. Но она успѣла наполовину опустошить и обезлюдить весь сѣверъ и центръ Франціи. Хроники того времени содержатъ довольно противорѣчивыя подробности какъ о ходѣ этого движенія, такъ и о происхожденіи термина „жакерія". Всего содержательнѣе повѣствованіе лѣтописца и поэта Фруассара, у котораго обильно черпали всѣ позднѣйшіе историки.

По одной версіи, вожакъ движенія назывался Жакъ Калле и поэтому всѣхъ возставшихъ крестьянъ окрестили Жаками, а ихъ бунтъ жакеріей. Но болѣе правдоподобна другая версія. „Король Жаковъ" назывался ГильомомъКалле. А Жакъ (Jacques Bonhomme—Яковъ-простофиля) былъ уже въ то время у аристократовъ нарицательнымъ именемъ для французскаго народа, который они тогда держали въ такомъ загонѣ и подъ такимъ гнетомъ. Обремененное налогами и поборами со стороны своихъ феодальныхъ господъ, сельское населеніе Франціи страдало еще отъ нашествія пришлыхъ грабителей, которые бандами гуляли по провинціямъ. Эти банды представляли отряды, отдѣлявшіеся отъ арміи королей, находившихся въ постоянной войнѣ,—англійскаго, наваррскаго, французскаго. Въ промежутки между общими сраженіями онѣ разоряли страну,—безразлично къ какому бы подданству ни принадлежали ея обитатели. Забирать запасы, угонять скотъ и обезчещивать женщинъ было, казалось, общепризнаннымъ правомъ солдатъ. Сами крестьяне терпѣливо сносили грабежи солдатъ, видя въ ихъ нашествіяхъ нѣчто вродѣ стихійныхъ катастрофъ, а то и просто Божье попущеніе. Но что ихъ всего больше возмущало, это—безсердечіе и жестокость господъ.

Послѣдніе не только не защищали ихъ отъ грабежей, но даже не внимали никакимъ просьбамъ и жалобамъ на тяжесть податей. Они облагали своихъ разоренныхъ крѣпостныхъ все болѣе крупными платежами и чрезвычайными контрибуціями на военные расходы—и не знали сни-

Въ крѣпости.—Картина Ярошенко.
Автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

схожденія. Неоплатныхъ должниковъ господской казны били до безчувствія, а дома ихъ поджигали. Когда же иные непрошенные совѣтники указывали господамъ на нестерпимое положеніе крестьянъ, они отвѣчали: „Ничего, у Jacques Bonhomme спина широкая, онъ все вынесетъ".

Эта фраза стала поговоркой.

Долго гнулъ многострадальный Яковъ свою спину, но, когда ему стало совсѣмъ не въ моготу, онъ ее вдругъ разогнулъ и бросился на своего врага-аристократа. Послѣдній недоумѣвалъ и еще не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда уже запылали строенія и замки его помѣстій. Крестьяне совѣщались, объединялись, брались за оружіе и выступали противъ военныхъ отрядовъ. Это было такъ непостижимо, такъ мало вязалось съ установленными понятіями. Феодальные господа считали себя тѣмъ болѣе безопасными съ этой стороны, что ихъ собственныя попытки вооружить сельскія массы кончались прежде совершенно неудачно. „Эта чернь такъ смѣшила господъ, когда послѣдніе пытались привлекать ее къ участію къ войнѣ,—пишетъ Мишле въ своей исторіи среднихъ вѣковъ.—Бояться этихъ покорныхъ, забитыхъ и трепетавшихъ отъ страха людей, отказывать себѣ въ удовольствіи притѣснять людей, которые не умѣли даже ѣздить, какъ слѣдуетъ, верхомъ и пользоваться оружіемъ? Нѣтъ, ихъ именно надо было продолжать держать въ страхѣ, бить и заставлять слушаться, а не оказывать имъ вниманіе. Верхомъ мудрости считалась поговорка: „Oignez vilain, il vous poindra; poignez vilain, il vous oindra". (Уступите холопу, и онъ васъ побьетъ, а побейте холопа, и онъ вамъ покорится").

Разгоряченные сельчане собрались сначала въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ близъ города Бовэ въ Пикардіи и озвѣрились печальными повѣствованіями о своихъ страданіяхъ и о жестокости ихъ господъ. Они набрались духа и, узнавъ, что въ ближайшемъ богатомъ замкѣ стража очень малочисленная, рѣшились пойти потребовать у феодала помощи въ своей нуждѣ. Ихъ встрѣтили, конечно, съ оружіемъ въ рукахъ. И крѣпостные, вооружившись колами и вилами, вступили въ борьбу съ мужествомъ отчаянія, одержали верхъ и убили все семейство господъ и ихъ слугъ, а замокъ подожгли. Этотъ успѣхъ послужилъ сигналомъ къ возстанію для всѣхъ окрестностей, и движеніе скоро приняло громадные размѣры и ужасающій характеръ. Жаки выбрали себѣ начальникомъ бывшаго „жандарма" (по тогдашней терминологіи военнаго) Гильома Калле, организовали подъ его руководствомъ нѣсколько отрядовъ, которые вооружились получше и немного научились и военному искусству. Они въ большинствѣ случаевъ истребляли господъ, забирали все ихъ имущество, а строенія сожигали. Кровь лилась рѣкой, и жаки не знали пощады.

„Никакое народное возстаніе позднѣйшихъ временъ,—пишетъ историкъ Анри Мартэнъ,—не имѣло такого страшнаго и жестокаго характера, какъ жакерія. Наскучивъ ждать, пока Св. Духъ установитъ царство правды и справедливости, жаки поднялись, чтобы отплатить оскорбленіями за оскорбленія, мученіями за мученія, чтобы въ нѣсколько дней истратить весь запасъ злобы, ненависти и жажды мести, который накопился столѣтіями и который одно поколѣніе передавало другому, погибая подъ ярмомъ".

Возстаніе „подлыхъ людей" (vilains) быстро перешло изъ Пикардіи въ Нормандію, Иль-де-Франсъ, Бургундію, Шампань, Орлеанэ, Турень и охватило весь сѣверъ и центръ Франціи. Замѣчая броженіе среди своихъ крѣпостныхъ, дворяне укрывались въ наилучше защищенныхъ замкахъ и въ крѣпостяхъ, предоставляя на произволъ судьбы свои владѣнія. И почти вездѣ, гдѣ появлялись организованные жаки, къ нимъ присоединялись не только сельскіе жители, но и горожане тѣхъ городовъ, которые не были оккупированы отрядами феодаловъ. Самъ городской голова и диктаторъ Парижа Этьеннъ Марсель вступилъ въ союзъ съ жаками въ расчетѣ воспользоваться сельскимъ движеніемъ для своихъ политическихъ плановъ. Онъ, правда, возставалъ противъ излишнихъ жестокостей жакеріи и даже грозилъ наказать иныхъ свирѣпыхъ помощниковъ Гильома Калле и въ то же время давалъ убѣжище дворянамъ, спасавшимся въ столицу отъ своихъ крѣпостныхъ. Но онъ посылалъ парижскіе отряды на подмогу королю жаковъ и снабжалъ его провіантомъ, оружіемъ и, въ особенности, совѣтами.

„Буржуа естественно пожелали воспользоваться этимъ движеніемъ, — пишетъ тотъ же историкъ Анри Мартэнъ, несмотря на всю стихійность и безпорядочность жакеріи. Народъ, который они раньше игнорировали, могъ имъ помочь въ ихъ борьбѣ съ аристократіей—и они поспѣшили пойти навстрѣчу его движенію, но, разумѣется, имѣя въ виду лишь свои собственные сословные интересы, они стали открывать передъ жаками ворота своихъ городовъ, въ расчетѣ умѣрить жакерію, принять руководство надъ нею и направить ее въ нужную сторону. Съ другой стороны, крестьяне слушались горожанъ, потому что сознавали, что ихъ союзъ могъ поставить аристократовъ въ безысходное положеніе".

Излишнее довѣріе къ буржуазіи, однако, погубило жаковъ. Гильомъ Калле послушался Этьенна Марселя и пошелъ осаждать городъ Мо, гдѣ засѣли лучшія королевскія войска, подъ предводительствомъ личныхъ враговъ парижскаго диктатора. Если бы Мо былъ взятъ, это былъ бы рѣшительный успѣхъ для всей буржуазіи, и всѣ города перешли бы на сторону Парижа. Но жаки не были способны предпринимать правильныя военныя операціи. Сильный гарнизонъ Мо сдѣлалъ вылазку, разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Силы жакеріи стали быстро таять. И буржуа не замедлили бросить своихъ союзниковъ на произволъ судьбы. Этьеннъ Марсель отвернулся отъ Гильома Калле.

Король жаковъ вздумалъ тогда предложить союзъ королю наваррскому Карлу Злому, который воевалъ съ дофиномъ французскимъ, претендуя на нѣкоторыя его провинціи. Этимъ Гильомъ Калле нанесъ послѣдній ударъ жакеріи. Карлъ, чтобы расположить въ свою сторону французскую знать, взялся освободить ее отъ жаковъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что былъ бы радъ вступить въ союзъ и готовъ подписать условіе, которое ставилъ Калле, о томъ, чтобы сельскому населенію были дарованы разныя права и льготы, которыя могли бы облегчить его участь. Калле довѣрчиво отправился на личные переговоры съ Карломъ, который приказалъ его схватить, а жакамъ аттаковать врасплохъ. Скоро послѣдніе отряды жаковъ были уничтожены или разсѣяны, и отъ жакеріи осталось только затаившееся въ народной душѣ чувство сословной ненависти.

Гильомъ Калле умеръ мучительной смертью, и аристократы вдоволь натѣшились его страданіями. Короля жаковъ публично пытали, и подъ конецъ вѣнчали желѣзной короной, раскаленной до-красна. Можетъ быть, онъ подъ пыткой и „раскаялся въ своихъ грѣхахъ", какъ передаютъ нѣкоторые хроникеры того времени, но внѣ сомнѣнія, что эти грѣхи онъ совершалъ, пока руководилъ жакеріей, вполнѣ сознательно, съ увѣренностью въ правотѣ своего дѣла. Авторъ особой „Histoire de la jacquerie", Симеонъ Люсъ, собралъ различнаго рода документы и юридическіе акты, изъ которыхъ явствуетъ, что „этотъ предводитель бунтовщиковъ былъ человѣкомъ умнымъ, не лишеннымъ образованія, и обладалъ природнымъ даромъ краснорѣчія", что онъ, повидимому, искренно желалъ блага народа, а не только искалъ истребленія аристократіи, что онъ, по возможности, умѣрялъ свирѣпость своихъ приверженцевъ. У Гильома Калле была довольно правильная организація. У него была собственная печать и канцелярія. Однако, его отношенія съ жаками были совершенно демократическія. Каждый отрядъ самъ выбиралъ себѣ своихъ капитановъ, лейтенантовъ и десятниковъ. Калле былъ человѣкъ справедливый и совершенно безкорыстный, и онъ оставилъ въ народѣ свѣтлую и благодарную память о себѣ.

Жакерія не была только стихійнымъ движеніемъ, но она, по историческимъ условіямъ, не могла создать новаго строя.

Е. Д.

Русская „Бастилія".

Почтовая забастовка задержала доставку новыхъ книжекъ журналовъ,—книжекъ, обѣщающихъ особенный интересъ. Онѣ—первыя, рожденныя въ дни свободы. Правда, половина ихъ писалась и набиралась еще въ дни нашего духовнаго закрѣпощенія.

Но, хотя частью, изъ нихъ можно слышать свободный голосъ людей, съ устъ которыхъ снятъ, наконецъ, до крови давившій ихъ намордникъ.

Впечатлѣніе живого и правдиваго слова производитъ только что вышедшая книжка „Русскаго Богатства", снабженная на обложкѣ примѣчаніемъ о томъ, что, согласно постановленію „Союза для защиты свободы печати", она выходитъ безъ представленія въ цензурный комитетъ.

До сихъ поръ русскій читатель читалъ по складамъ между строкъ.

Пора этой вынужденной полуграмотности проходить.

Вѣримъ, что ей никогда не вернуться.

Наступаетъ время спокойнаго и осмысленнаго чтенія напечатаннаго чернымъ по бѣлому. Курсъ приготовительнаго класса пройденъ.

Немножко великовозрастными вступаемъ мы въ первый классъ.

Но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Яркое впечатлѣніе оставляетъ „хроника внутренней жизни", „политика" и отклики на злобы дня. Отдѣлъ беллетристики еще не окрашенъ свѣтомъ наступающаго дня. Не установился еще и переводный романъ, которому, очевидно, на нѣкоторое время придется уйти изъ современнаго журнала.

Съ огромнымъ интересомъ прочтется прекрасная статья Л. Мельшина—„Шлиссельбургскіе мученики". Въ русской легальной литературѣ это первый опытъ ознакомленія читающаго общества съ ужасами русской Бастиліи, вписывающими позорнѣйшія и кровавыя страницы въ исторію недавняго правительственнаго режима. Клокочущимъ негодованіемъ и благороднымъ гнѣвомъ обвѣяна вся эта страшная повѣсть о настоящихъ герояхъ идеи, отдавшихся ей со всей беззавѣтностью, на какую только способна русская душа.

Въ бѣглыхъ абрисахъ дѣятелей русской политической агитаціи, въ отрывкахъ изъ исторіи ихъ томленія въ шлиссельбургскомъ гробѣ, въ попутныхъ оглядкахъ на ихъ былую

дѣятельность—улавливаются темы могучихъ трагедій, какими могли бы не побрезговать первоклассные мастера слова.

Мельшинъ слѣдитъ исторію шлиссельбургскихъ ужасовъ съ самаго момента возстановленія въ 1884 г. страшнаго шлиссельбургскаго застѣнка, бездѣйствовавшаго съ того дня, когда въ немъ почилъ несчастный царевичъ Іоаннъ Антоновичъ.

Въ 1882 г. былъ открытъ заговоръ среди гарнизона Петропавловской крѣпости, — созданный знаменитымъ Нечаевымъ.

„Нечаевъ,—разсказываетъ авторъ,—былъ запрятанъ въ каменный мѣшокъ Алексѣевскаго равелина, гдѣ и прожилъ безвыходно 10 лѣтъ. Въ 1877 г. онъ далъ пощечину навѣстившему его въ казематѣ шефу жандармовъ Потапову, за что былъ судимъ военнымъ судомъ и приговоренъ къ вѣчному заточенію...

„Нечаевъ сумѣлъ сдѣлать невозможное—привлечь къ себѣ загрубѣлыя сердца тюремныхъ стражниковъ и сдѣлать ихъ послушными орудіями своей воли. Преданность ему распропагандированныхъ солдатъ,—не иначе называвшихъ Нечаева, какъ „нашъ орелъ“, —была такъ велика, что они изъявляли, напримѣръ, готовность арестовать самого Императора въ одно изъ его посѣщеній крѣпости... Что усвоеніе ими идей революціоннаго соціализма не было вообще какимъ-либо преходящимъ увлеченіемъ, доказала послѣдующая судьба этихъ солдатъ, и въ Сибири, въ ссылкѣ, принадлежавшихъ къ числу наиболѣе любимыхъ и уважаемыхъ товарищей.

„Опираясь на сочувствіе и помощь гарнизона, Нечаевъ, черезъ сидѣвшаго въ томъ же Алексѣевскомъ равелинѣ народовольца Ширяева, завелъ регулярныя сношенія съ исполнительнымъ комитетомъ. Послѣдній поставилъ, между прочимъ, передъ Нечаевымъ дилемму: новая попытка цареубійства, или освобожденіе изъ крѣпости всѣхъ заключенныхъ, въ томъ числѣ и самого Нечаева. Второе исключало первое.

„Безъ малѣйшаго колебанія Нечаевъ отклонилъ проектъ своего освобожденія. Событіе 1-го марта 1881 г. совершилось... Когда партія „Народной Воли“, какъ извѣстно, подверглась послѣ этого небывалому разгрому, полиція напала случайно на какую-то нить, доведшую ее и до Нечаева. Сорокъ нижнихъ чиновъ были арестованы и отданы подъ судъ въ декабрѣ 1882 г. Дальнѣйшая судьба самого Сергѣя Нечаева покрыта мракомъ тайны... Ходилъ слухъ, что осенью 1884 г. онъ былъ еще живъ, и его повезли въ устроенный къ тому времени Шлиссельбургъ. По одной версіи, онъ бросился съ парохода въ Неву и утонулъ, по другой—выскочилъ изъ кареты и былъ застрѣленъ. Третьи думаютъ, что онъ погибъ уже въ стѣнахъ Шлиссельбурга“...

За 21 годъ существованія шлиссельбургской тюрьмы въ ней перебывало 67 человѣкъ. Изъ нихъ 13 были разстрѣляны и повѣшены въ стѣнахъ тюрьмы, четверо покончили съ собой тамъ же, трое застрѣлились вскорѣ послѣ освобожденія, 15 умерли отъ чахотки, цынги, [illegible]сшествія въ самомъ Шлиссельбургѣ.

Удивительную страницу въ исторію русской противоправительственной пропаганды, способную заткнуть за поясъ вымыселъ любого изъ французскихъ романистовъ, вплоть до Понсонъ-дю-Террайля, вписываютъ два узника Шлиссельбурга—А. Михайловъ и Клѣточниковъ.

„Александра Михайлова, наряду съ Желябовымъ,—пишетъ Мельшинъ,—можно назвать душою народовольческаго движенія; его замѣчательнымъ конспираторскимъ талантамъ оно обязано было успѣхомъ самыхъ смѣлыхъ и сложныхъ своихъ предпріятій, и ненавидѣть этого человѣка у русскаго правительства было достаточно основаній. Именно онъ пристроилъ своего товарища Клѣточникова на службу въ знаменитое третье отдѣленіе, эту грозную цитадель тогдашняго самодержавія. Около трехъ лѣтъ работалъ тамъ Клѣточниковъ, не переставая все время осторожно сноситься съ членами исполнительнаго комитета, и начальство было имъ такъ довольно, что быстро возвышало по служебной лѣстницѣ и осыпало наградами. Въ одинъ прекрасный день ему былъ пожалованъ орденъ Станислава, и народовольцы, шутя, поздравляли другъ друга съ полученіемъ ордена. Благодаря Клѣточникову, у третьяго отдѣленія все валилось изъ рукъ, неудача постигала за неудачей, а предпріятія исполнительнаго комитета, напротивъ, увѣнчивались блестящими успѣхами. Надъ знаменитымъ учрежденіемъ уже начали витать подозрѣнія, и Императоръ Александръ II получилъ однажды формальный доносъ, что тамъ именно гнѣздится измѣна... Переполохъ былъ огромный, и, однако, самъ Клѣточниковъ оставался внѣ тѣни какого-либо подозрѣнія. Его погубила пустая случайность. Въ квартирѣ, на которую онъ явился для свиданія съ товарищами-заговорщиками, въ ночь передъ тѣмъ произведенъ былъ обыскъ и арестъ по предписанію второстепенной полицейской власти, о чемъ Клѣточниковъ еще не былъ извѣщенъ,—и онъ попался въ ловушку...

„Злобѣ жандармовъ не было границъ, и когда осужденный въ февралѣ 1882 года на смерть, но „помилованный“, онъ былъ замурованъ въ Алексѣевскій равелинъ, къ нему примѣнены были самыя изысканныя мучительства, „о подробностяхъ которыхъ пока молчатъ жандармскіе застѣнки“...

Въ бездны ненужной тюремной жестокости погружался попадавшій въ шлиссельбургскую могилу. „Изъ высшаго начальства, посѣщавшаго Шлиссельбургъ, наибольшей грубостью, по словамъ Мельшина, отличался Оржевскій, одинъ изъ всѣхъ позволявшій себѣ говорить заключеннымъ „ты“ (другіе предпочитали безличную форму). Впрочемъ, и Шебеко былъ хорошъ. Ему показалось однажды, что Шебалинъ окинулъ его непозволительно-гордымъ взглядомъ, и онъ выбѣжалъ изъ его камеры съ крикомъ: „Это что за дерзкая рожа?!“ Когда вслѣдъ затѣмъ Шебеко вошелъ къ сосѣдкѣ Шебалина, Л. А. Волкенштейнъ, и та въ негодованіи отвернулась отъ него, онъ закричалъ еще громче: „Имъ нужны плети! Имъ нужны плети!“

Года два спустя, тотъ же Шебеко разлетѣлся къ Людмилѣ Волкенштейнъ съ любезной улыбкой и словами привѣта отъ ея матери. Но Волкенштейнъ отвѣтила: „Даже о матери я ничего не хочу слышать отъ васъ“.

Помраченіе сознанія замѣчалось у многихъ шлиссельбуржцевъ... У однихъ помѣшательство было тихое, безобидное, у другихъ, напротивъ, съ буйными приступами ярости, вспышками шумнаго горячечнаго бреда. Они громко хохотали, пѣли, рычали, и эти дикіе звуки среди могильной тюремной тишины потрясали нервы здоровымъ заключеннымъ. Какъ о высшемъ счастьѣ, приходилось мечтать объ увозѣ несчастныхъ товарищей въ психіатрическія лѣчебницы“.

Шлиссельбургская тюрьма имѣло дѣло съ истинными фанатиками дѣла, посвятившими себя всецѣло своей идеѣ, и только этимъ можетъ быть объяснено то, что сами они рѣдко налагали на себя руки. „Процентъ покончившихъ въ крѣпости самоубійствомъ былъ ничтоженъ,—всего четыре человѣка: повѣсились Клименко и Тихановичъ, сжегъ себя живьемъ Грачевскій и зарѣзалась Гинцбургъ. Грачевскій добивался, чтобы его разстрѣляли, какъ Минакова и Мышкина, и, подобно имъ, будучи не въ силахъ выносить тягостный и унизительный режимъ, оскорбилъ дѣйствіемъ кого-то изъ начальства. Но его признали сумасшедшимъ и отказались судить. Онъ хотѣлъ уморить себя голодомъ — его стали кормить насильно. Тогда онъ облилъ себя керосиномъ изъ лампочки, постоянно горѣвшей въ камерѣ, и зажегъ. Смерть пришла не сразу, и душу раздирающіе крики умиравшаго страдальца были слышны въ самыхъ отдаленныхъ казематахъ... Жертва эта не осталась напрасной. Предсмертный вопль Грачевскаго дошелъ, повидимому, до Петербурга и, должно быть, шевельнулъ какое нибудь бюрократическое сердце, потому что шлиссельбургскій режимъ началъ съ этого дня быстро смягчаться. Въ 1891 г. произошелъ третій и послѣдній случай самоубійства: Софья Гинцбургъ перерѣзала себѣ горло ножницами, которыя были даны ей для какой-то работы... Этотъ новый трагическій случай, вѣроятно, также не остался безъ вліянія на дальнѣйшее смягченіе шлиссельбургскаго режима, и заживо погребенные мученики добились, наконецъ, того, что могли хоть умирать не въ полномъ одиночествѣ. Смягченіе общихъ порядковъ отразилось и на нравахъ жандармовъ, которые нѣсколько лѣтъ назадъ готовы были смертнымъ боемъ бить заключенныхъ. Одинъ старый жандармъ, надѣвая чистое бѣлье на тѣло Юрковскаго, сказалъ: „Послужу тебѣ въ послѣдній разъ, Ѳедоръ Ивановичъ!“—Sancta simplicitas!...“

Авторъ заключаетъ свою статью-справку горячимъ привѣтомъ освобожденнымъ и выраженіемъ страстной мечты, чтобы ужасы прошлаго были отнынѣ невѣдомы русскому гражданину.

„Привѣтствуя всѣмъ сердцемъ освобождаемыхъ братьевъ и товарищей,—говоритъ онъ, —мы, страдавшіе безконечно меньше, пожелаемъ имъ скорѣйшаго исцѣленія ранъ, сами же дадимъ клятву — не забывать незабываемое.

„Мы свято будемъ помнить, что пятеро несчастливцевъ еще томятся подъ проклятыми сводами... Проснувшаяся общественная совѣсть не примирится съ этимъ фактомъ. По всей странѣ прозвучитъ грозный кличъ: долой Шлиссельбургъ! Долой позоръ и мучительство одиночнаго заключенія. Россія должна стать свободной и счастливой“...

Энциклопедія весельчака.

... Нервные люди жалуются на время. Приходится слышать отъ нѣкоторыхъ, что они не могутъ читать газетъ. Онѣ ихъ разстраиваютъ и раздражаютъ. Извѣстна истина, что въ дни революцій страшно поднимается процентъ душевныхъ болѣзней. Хладнокровіе переходитъ въ нервность, нервность — въ истерію.

Я знаю читателей, которые для равновѣсія перешли къ Диккенсу или Дюма,—благодѣтелямъ человѣчества въ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ разстраиваются нервы и мы теряемъ способность скоро засыпать. На-дняхъ вышла книга, которая могла бы для такого читателя замѣнить иноземныхъ мастеровъ по части увлекательнаго сюжета. Знаменитый г. Скальковскій издалъ свои „Воспоминанія молодости“. Это тотъ г. Скальковскій, который давно знаменитъ своими воспоминаніями, онъ, кажется, давалъ совѣтъ Ною насчетъ введенія въ Ковчегъ животныхъ чистыхъ и нечистыхъ, помогъ Пиѳагору создать его теорему, склонилъ Кутузова принять извѣстное рѣшеніе на со-

Проф. Робертъ Кохъ,
получившій нобелевскую премію.

вѣтѣ въ Филяхъ, былъ за панибрата съ Пушкинымъ и очень дружилъ съ Хлестаковымъ.

Разумѣется, превосходныя данныя у Скальковскаго для того, чтобы быть историкомъ. Онъ со всѣми былъ знакомъ, все знаетъ, все помнитъ. Но я бы сказалъ, что у него особенно превосходны данныя для того, чтобы быть лѣтописцемъ, такъ сказать, „изнанки исторіи“. Онъ больше любитъ ходить „около исторіи“ и даже, лучше сказать, около „исторій“, въ томъ смыслѣ, въ какомъ Гоголь называлъ Ноздрева историческимъ человѣкомъ.

Такихъ „исторій“ у Скальковскаго бездна. Всѣ воспоминанія его молодости въ сущности одинъ сплошной анекдотъ. Можно, если угодно, переносить цѣлыя страницы изъ этихъ воспоминаній въ юмористическіе журналы. Всѣ характеристики историческихъ персонажей сводятся къ анекдоту, и авторъ нанизываетъ ихъ, какъ нанизываетъ умѣлый поваръ кусочки бараньяго шашлыка на вертелъ.

У историковъ настоящей исторіи вы найдете біографіи и оцѣнки людей прошлаго. У лѣтописца „изнанки исторіи“ г. Скальковскаго вы услышите, кто изъ историческихъ людей и сколько расходовалъ на кокотокъ, у кого былъ хорошій альбомъ порнографическихъ карточекъ, и къ кому онъ перешелъ по смерти владѣльца, кто первый крупно проигрался Некрасову, послѣ чего поэтъ собственно и сталъ богатѣть, какіе панталоны и аксельбанты носили гусары въ сороковыхъ годахъ и какъ относились къ бутерброду въ 50-хъ.

Отъ г. Скальковскаго вы узнаете, что до 100,000 руб. тратилъ на кокотокъ столоначальникъ В., изъ русскихъ нѣмцевъ, и у него то и былъ знаменитый альбомъ „который по смерти за большія деньги перешелъ къ морскому министру Краббе“. Первымъ проигралъ Некрасову шестьсотъ тысячъ Абаза. „Нынѣшняя система питья водки, закусывая бутербродами, была мало распространена въ 50-хъ годахъ, мало также пили пива“. „Панталоны съ гульфиками носили только гусары, остальные, даже военные, носили панталоны à „grand pont“. Великій Князь Константинъ Николаевичъ „отличался искусствомъ носить монокль и придумалъ особый способъ носить аксельбанты, которому мы всѣ, имѣвшіе таковые, подражали“.

Къ подобнымъ, какъ говорятъ французы petits faits de l'histoire, г. Скальковскій питаетъ влеченіе, родъ недуга. Аксельбанты, гульфики, бутерброды занимаютъ его необычайно.

Проф. Байеръ,
получившій нобелевскую премію.

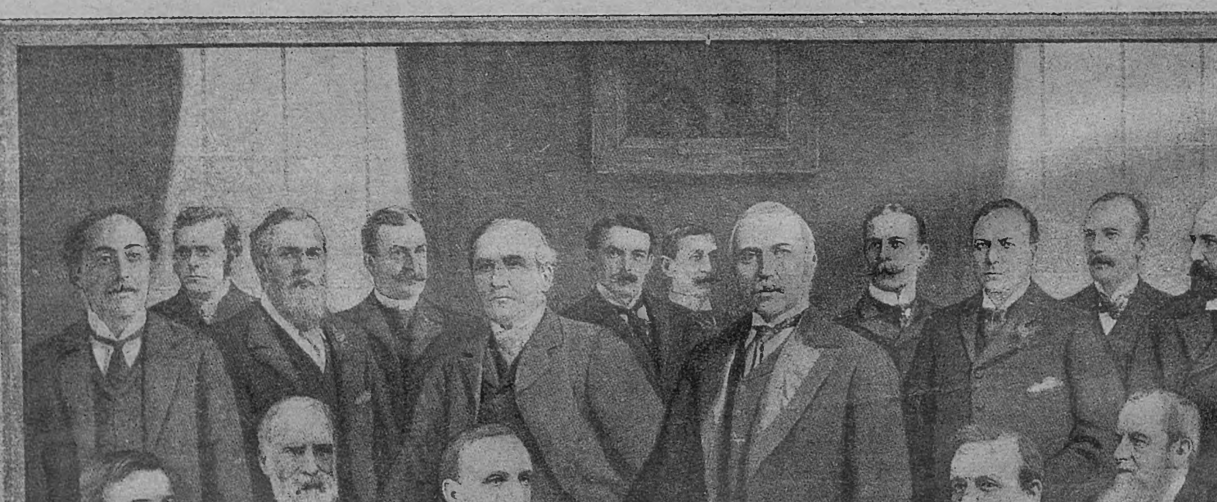
„Отмѣна касокъ въ глазахъ женщинъ,—пишетъ онъ,—съ успѣхомъ компенсировалась аксельбантами, которые только что были даны всѣмъ инженернымъ корпусамъ. Аксельбанты, если умѣть ихъ носить, красивы, но,—увы!—быстро трутъ мундиръ“. „Дамы,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—конечно, о нынѣшнихъ роскошныхъ dessous и понятія не имѣли, и всѣ носили бѣлыя крахмальныя юбки“...

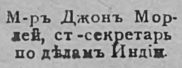
Такъ пишется исторія.

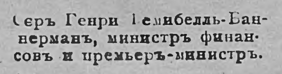
Въ такихъ же цѣнныхъ подробностяхъ встаетъ передъ читателемъ и фигура самого автора мемуаровъ. Такъ, вы узнаете о самомъ г. Скальковскомъ, что „до семи лѣтъ (онъ) купался въ женскихъ купальняхъ“. „Одна дама спасла меня даже тамъ отъ смерти

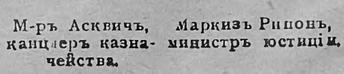
М-ръ Г. Гладстонъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. — Лордъ Эльджинъ, ст.-секр. по колоніальн. вѣдомству. — Сэръ Генри Фоулеръ, канцл. Ланкастерск. герцог. — М-ръ Джонъ Синклеръ, ст.-секр. по дѣламъ Шотландіи. — М-ръ Эльденъ, военный министръ. — Лордъ Твидмутъ, первый лордъ адмиралтейства.

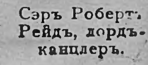
М-ръ А. Боррель, министръ народнаго просвѣщенія. — Лордъ Коррингтонъ, министръ земледѣлія. — М-ръ Ллойдъ-Джардинъ, министръ торговли. — Лордъ Крей, предсѣдатель совѣта. — М-ръ Сидней Бентонъ, министръ почтов. вѣдомства. — М-ръ Джонъ-Бернсъ, министръ мѣстн. управленія.

Сэръ Эдуардъ Грей, министръ иностранныхъ дѣлъ. — М-ръ Бройсъ, ст.-секретарь по дѣламъ Ирландіи. — М-ръ Джонъ Морлей, ст.-секретарь по дѣламъ Индіи. — Сэръ Генри Кемпбелль-Баннерманъ, министръ финансовъ и премьеръ-министръ. — М-ръ Асквичъ, канцлеръ казначейства. — Маркизъ Рипонъ, министръ юстиціи. — Сэръ Робертъ Рейдъ, лордъ-канцлеръ.

Новое англійское министерство.

Берта фонъ-Зутнеръ,
получившая нобелевскую премію.

захлебнувшагося отъ шалостей морскою водой".

Своими „чуть-чуть не смертями" г. Скальковскій, вообще, кокетничаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ нѣсколько разъ. Въ другой разъ онъ чуть-чуть не утонулъ въ прудѣ. Въ третій разъ его чуть-чуть не зарубилъ сумасшедшій, на Львиномъ мостикѣ. Въ четвертый разъ актеръ Бурдинъ чуть-чуть не былъ причиною его преждевременной смерти. Хорошо, что „чуть-чуть" не считается.

Иначе одними мемуарами въ русской литературѣ было бы меньше.

Повторяю, всѣ подробности частной жизни самаго бытописателя возникаютъ въ воспоминаніяхъ необыкновенно выпукло. Вы узнаете здѣсь, что г. Скальковскаго въ гимназіи дразнили „сорокой", что однажды, когда въ гимназію пріѣхалъ товарищъ министра Норовъ и вызвалъ къ себѣ г. Скальковскаго, у будущаго великаго человѣка лопнула пуговица у панталонъ. „У меня замерло сердце и я придерживая руками панталоны, кой-какъ прошелъ мимо Норова. Только попечитель сказалъ: „штанишки потеряешь".

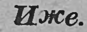
Вы узнаете дальше, что у г. Скальковскаго—почеркъ Петра Великаго, что цыганка предсказала ему блестящую карьеру, и что въ сущности чрезвычайно просто совершилось великое событіе выхода его на литературную дорогу. „Никакое вдохновеніе меня не озаряло, а какъ то просто я сѣлъ на деревянную табуретку передъ конторкой, стоявшей въ корпусѣ около каждой кровати, обмокнулъ казенное перо въ казенную чернильницу и сталъ строчить,—строчить на скверной казенной бумагѣ, загибая съ лѣвой стороны поля и дѣлая кляксы,—привычки, оставшіяся у меня и по сей день"...

Все великое въ исторіи совершается, какъ извѣстно, всегда весьма просто.

Даже если бы благодарное потомство задумалось надъ вопросомъ, на какомъ мѣстѣ всего лучше поставить памятникъ г. Скальковскому,—это оказалось бы дальновидно предусмотрѣннымъ самимъ Скальковскимъ. „Приходъ Николы Трунилы, замѣчаетъ онъ,—я такъ полюбилъ, что когда кадетомъ мечталъ еще быть когда-либо великимъ человѣкомъ, то просилъ, чтобы монументъ мнѣ былъ поставленъ не иначе, какъ на маленькой площади, на углу Малой Посадской улицы и Коннаго переулка.

Счастлива же страна, гдѣ великіе люди такъ предусмотрительны, что сами намѣчаютъ даже мѣсто для своихъ памятниковъ, предоставляя фантазіи будущихъ поколѣній развѣ лишь измыслить, въ какой позѣ поставить великихъ героевъ прошлаго. А это ужъ не столь трудно. Статью автора „Воспоминаній молодости" достаточно было бы изобразить съ книгою въ рукахъ, и этой книгой была бы „Энциклопедія весельчака или собраніе пяти тысячъ анекдотовъ древнихъ, новыхъ и современныхъ".

Иже.

Генрихъ Сенкевичъ,
получившій нобелевскую премію.

Эволюція семьи подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни.

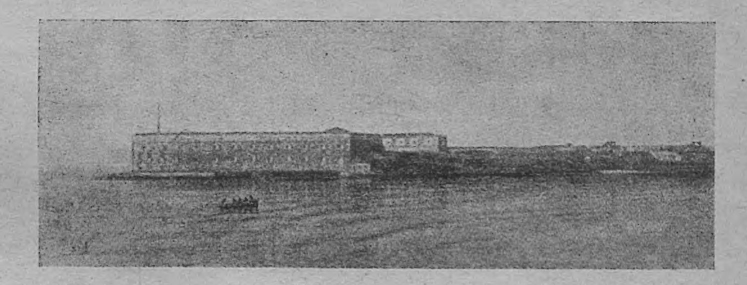
На-дняхъ въ русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ состоялась очередная бесѣда по женскому вопросу. Докладъ былъ сдѣланъ О. А. Шапиръ на тему: „Эволюція семьи подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни. Вопросы воспитанія".

Эволюція стараго быта дореформенной семьи къ современнымъ соотношеніямъ представляетъ глубокій общественный процессъ; начало его совпадаетъ съ освободительнымъ движеніемъ середины 19-го вѣка и стоитъ въ идейной и матеріальной связи съ паденіемъ крѣпостного права.

Реформы эпохи 19-го февраля 1861 г. потрясли русскую жизнь въ ея основаніяхъ и въ эволюціи семьи сыграли двойную роль: нанесенъ былъ рѣшительный ударъ самой идеѣ личной власти, и въ то же время открылись новыя сферы труда, которыя освободили молодыя поколѣнія отъ матеріальной зависимости. Началось тогда повальное бѣгство изъ семьи. Въ 60 гг. движеніе это было чисто

Крейсеръ „Очаковъ".

Фортъ, который обстрѣливалъ крейсеръ „Очаковъ".

Международная эскадра на рейдѣ острова Митилены.
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

субъективнымъ, а уже послѣдующее десятилѣтіе бросаетъ передовыя дружины молодежи въ борьбу общественную и политическую.

Въ этотъ историческій моментъ тяжелаго переворота окончательно рухнулъ родительскій безапелляціонный авторитетъ.

Молодежи приходилось не только отстаивать въ отчаянныхъ схваткахъ новыя идеи и неслыханныя требованія, но пробиваться сквозь непочатую чащу обычаевъ, мелочей и предразсудковъ.

Вся сила и острота ея обрушились на женщину.

Русская женщина благородно справилась со своей задачей. Серьезную и дѣльную современную женщину нельзя даже и сравнить съ пустыми и избалованными плѣнницами помѣщичьихъ хоромъ. Вопросы же воспитанія въ дореформенной Руси находились въ чужихъ рукахъ. Дѣти жили отдѣльно отъ взрослыхъ, окруженныя угодничествомъ челяди, свыкаясь съ праздностью. Лишь изрѣдка отдавались они въ закрытыя учебныя заведенія, которыя въ то время были явленіемъ прогрессивнымъ.

Итакъ, семейная революція была совершена русской сознательной молодежью, и тогда же въ помощь новымъ экономическимъ условіямъ явилась открытая безсословная школа—гимназія.

Но не для одной только женщины, а для всего народа русскаго, задачи просвѣщенія и воспитанія выдвинулись на первый планъ, и тогда явился небывалый расцвѣтъ крупныхъ педагогическихъ талантовъ. Уровень женскаго образованія отразился на общихъ условіяхъ семьи.

Новыя условія жизни создали товарищество дѣтей и старшихъ, хотя оно въ полной мѣрѣ проявляется только въ рабочей семьѣ. Мать стоитъ теперь ближе къ своимъ дѣтямъ, отдаетъ имъ не только развитіе и знаніе, но и нѣжность. Умственные интересы и расширеніе кругозора, повидимому, сами по себѣ еще не имѣютъ тенденціи ослаблять родительскій инстинктъ.

Женщина будущаго несомнѣнно завоюетъ всѣ права и свободы и докажетъ свою правоспособность на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности. Чѣмъ выше въ женщинѣ человѣческая личность, тѣмъ осторожнѣе и скорѣе она идетъ къ своей спеціальной миссіи--матери человѣчества. Американскія интеллигентныя семьи уже теперь не знаютъ болѣе двухъ дѣтей, тоже во Франціи и отчасти въ Германіи.

Домашнее воспитаніе должно скоро исчезнуть. Его замѣнятъ разныя общественныя рощенія и ученія. Люди вырастутъ здоровѣе и сильнѣе, и сумма общаго благополучія увеличится. Общественное воспитаніе внесетъ духъ равенства и трезвости.

Вотъ, какъ намѣчается эволюція семьи по пути быстро развивающейся женской равноправности. Обязательная служебная роль женщины идетъ къ концу, и въ зависимости отъ этого механизмъ семейныхъ существованій становится дороже и затруднительнѣе. Здѣсь кроется разгадка систематическаго сопротивленія большинства мужчинъ фактическому уравненію половъ.

Безправственное значеніе брака, какъ экономической необходимости, всегда было главнымъ источникомъ униженія женщинъ и развращенности мужчинъ. Уничтоженіе безправія цѣлой половины человѣческаго рода принесетъ ему физическое возрожденіе и невѣдомый потокъ культурныхъ силъ.

Такимъ образомъ, эволюція брака представляется далеко не одинаковой для обоихъ половъ. Для женщины—это путь внѣшняго обогащенія и внутренняго роста—въ приближеніи къ общему человѣческому идеалу. Самобытное слово женщины еще не было никогда сказано, оно впереди. Въ данный моментъ не только русской, но и всесвѣтной борьбы женщина должна ощущать потребность взять подъ свою защиту жизнь.

Отъ сознательности женщинъ зависитъ вся ея, такъ или иначе, уже близкая дѣятельность полноправнаго человѣка.

О разныхъ цензорахъ и другихъ непріятностяхъ.

Наиболѣе глубокое замѣчаніе о цензорахъ принадлежитъ несомнѣнно Генриху Гейне.

Помните: „нѣмецкіе цензоры —далѣе идетъ длинный рядъ точекъ, и наконецъ:—глупыя головы“. Долженъ признаться, я плохо знаю исторію нѣмецкой цензуры, но предо мной—неоспоримый фактъ. Бдительныя заставы и недремлющіе разъѣзды цензуры не помѣшали геніальному нѣмецкому поэту бросить въ костры нѣмецкаго возрожденія кипу пламенныхъ страницъ и разбудить сонныя нѣмецкія головы огненными мыслями.

Увы! О русскихъ цензорахъ нельзя сказать того, что съ такой завидной опредѣленностью замѣтилъ объ ихъ нѣмецкихъ собратіяхъ Гейне. Увы! Они понимаютъ. Они умѣютъ читать въ строкахъ, между строкъ, подъ строками, надъ строками. Въ концѣ концовъ они излавливаютъ бѣдную, робкую мысль и, не взирая на ея дѣвичью застѣнчивость, предаютъ ее жестокой казни при помощи краснаго карандаша.

* * *

Впрочемъ, нужно быть справедливымъ. Нельзя не согласиться съ историками, утверждающими, что общественныя и народныя бѣдствія проистекаютъ отъ дерзкихъ сужденій печати. Голодъ, моръ, землетрясеніе, пожары, войны—все это послѣдствія крайнихъ настроеній журналистики. Что же дѣлать благожелательному начальству, стремящемуся къ насажденію порядка и счастья? Конечно, воевать съ печатью. И дѣйствительно, предъ нами факты, достойные самаго пытливаго изслѣдованія. Запретили писать о голодѣ, и голодъ прекратился. Остался только „недородъ“.

И вотъ, исходя изъ такихъ замѣчательныхъ событій, можно-ли въ самомъ дѣлѣ допускать безцензурное обсужденіе въ Белебеѣ вопроса о дневномъ вывозѣ нечистотъ, разъ безцензурность „Белебеевскаго Вѣстника“ можетъ вызвать менингитъ? Очевидно, нельзя. И, стоя на стражѣ государственныхъ интересовъ, цензоры всматраваются въ каждую букву, анализируютъ каждое слово, изгоняютъ подозрительныя многоточія и другіе легкомысленные знаки препинанія.

Только недавно я вышелъ изъ-подъ горячей опеки провинціальной цензуры и еще полонъ впечатлѣній отъ ея дѣйствій.

19-го февраля мы получили по телеграфу Высочайшій рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ о созывѣ народныхъ представителей. Въ тотъ же день нашъ редакторъ былъ вызванъ къ цензору, который категорически заявилъ:

— О конституціяхъ ни слова. Не разрѣшу ни оригинальныхъ статей, ни перепечатокъ изъ безцензурныхъ и даже подцензурныхъ изданій.

И затѣмъ цензоръ съ нескрываемымъ ехидствомъ добавилъ:

— Вѣдь, пока мы правимъ.

Нашъ редакторъ оказался находчивымъ и въ печальномъ раздумьи отвѣтилъ:

— Да, пока вы правите...

— Ну-съ, тѣмъ болѣе,—перебилъ его цензоръ.—пока мы правимъ, я не позволю ни единымъ словомъ обмолвиться о всѣхъ этихъ конституціяхъ.

Мы послали къ цензору стихи, въ которыхъ имѣлась такія благонамѣренная строчка:

Свищутъ дѣти.

Цензоръ разрѣшилъ. Затѣмъ, въ корректурѣ обнаружилась ошибка наборщика, и мы въ словѣ „дѣти“ замѣтили двѣ первыя буквы литерами *п л е*.

A la guerre comme à la guerre.

* * *

Однажды нужно было провести завѣдомо „опасную“ статью, и талантливый провинціальный фельетонистъ разрѣшилъ всѣ наши сомнѣнія. Онъ приписалъ къ ней такое начало: „Театръ и музыка“.

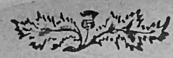
„На-дняхъ наша публика увидитъ на сценѣ городского театра имѣющую громадный успѣхъ въ обѣихъ столицахъ пьесу подъ названіемъ „Широкія штаны“, принадлежащую перу извѣстнаго писателя Жгина. Герой этой пьесы, декадентъ Спчайловъ, говоритъ, между прочимъ“.

Весьма возможно, что цензоръ былъ озадаченъ и именемъ „извѣстнаго писателя“ и тѣмъ, что „пьеса“ уже имѣетъ успѣхъ, но сознаться въ своемъ недоумѣніи не пожелалъ. Да, кромѣ того, „Театръ и музыка“—совершенно безопасный отдѣлъ. И вотъ, поздно вечеромъ, когда во всѣхъ подцензурныхъ редакціяхъ сердца бьются ускоренно, мы получили наши гранки и увидѣли, что замѣтку объ открытомъ, гласномъ засѣданіи думы постигъ красный карандашъ, зато надъ статьей „Театръ и музыка“ красовалась надпись: „печатать“.

Мы выбросили заголовокъ, все, что приписалъ талантливый фельетонистъ, и на слѣдующій день опасная статья безъ посторонныхъ примѣсей появилась въ печати. Революціи отъ этого на сей разъ не произошло, хотя въ Индіи, дѣйствительно, отмѣчено землетрясеніе.

* * *

Суммируя эти и подобные имъ факты, я переполняюсь безсильной завистью къ нѣмецкимъ журналамъ, имѣвшимъ дѣло съ нѣмецкими цензорами. Попробовали бы они писать подъ русской цензурой. **С.**

Дѣтскіе браки

Насколько обычай заключать браки между дѣтьми распространенъ во всѣхъ кастахъ и религіозныхъ сектахъ современной Индіи, показываютъ слѣдующія данныя англійской оффиціальной статистики. За послѣдніе годы было перевѣнчано 933,500 мальчиковъ и 2.378,530 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ. Индусское обычное право, санскритскаго происхожденія, со всей строгостью повелѣваетъ родителямъ и опекунамъ заключать дѣтскіе браки, такъ что отецъ или опекунъ, выдавая замужъ созрѣвшую уже дочь, совершаютъ смертный грѣхъ. Правила браманизма равно гласятъ, что отецъ, не выдавшій замужъ взрослой дочери, повиненъ въ дѣтоубійствѣ. Процвѣтаніе дѣтскихъ браковъ объясняется, кромѣ того, строго соблюдаемымъ въ Индіи обычаемъ жениться и выходить замужъ только за членовъ своей касты, что сильно ограничиваетъ выборъ супруга и потому заставляетъ родителей „окручивать“ своихъ дѣтей еще въ дѣтскомъ возрастѣ.

Замѣчательно, что этотъ укоренившійся въ современной Индіи обычай совершенно чуждъ древнему періоду индусской исторіи. Ригъ-Веда и Аттарва-Веда знаютъ лишь вполнѣ европейскую форму обученія, къ которому приступаютъ съ согласія родителей или опекуновъ, когда

молодые люди вполнѣ сговорятся. Изслѣдователь вопроса о современныхъ дѣтскихъ бракахъ, Сирдаръ Сингъ, придерживается мнѣнія, что дѣтскіе браки вошли въ обычай съ того времени, какъ коренное индусское населеніе было истреблено и жестоко угнетено пришельцами изъ Средней Азіи или же появившимся среди самихъ индусовъ племенемъ завоевателей; дѣтскіе браки и явились тогда единственнымъ средствомъ и защитой отъ насилія и произвола угнетателей.

Сирдаръ Сингъ весьма неодобрительно смотритъ на этотъ обычай, грозящій, по его убѣжденію, тѣлесной крѣпости индусовъ. Хотя между произнесеніемъ брачной клятвы „охранять и быть вѣрнымъ“ женѣ, смыслъ которой остается совершенно темнымъ юношу супругу, и дѣйствительнымъ наступленіемъ брачной жизни происходитъ шесть-семь лѣтъ,—брачныя отношенія начинаются все-таки слишкомъ рано даже для знойной Индіи. Это не можетъ не отражаться крайне вредно какъ на потомствѣ, такъ и на экономическомъ бытѣ семьи, хоть раннимъ бракамъ и приписывается предохранительное отъ разврата дѣйствіе. Но особенно плачевнымъ дѣлаетъ „институтъ“ дѣтскихъ браковъ положеніе вдовъ, весьма часто еще не вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста Если дѣвочка останется вдовой хотя бы мальчика-мужа, законъ строжайше воспрещаетъ ей вступленіе во вторичный бракъ. Ея дальнѣйшая жизнь должна проходить въ покаяніи и религіозныхъ упражненіяхъ, въ безмолвной покорности всѣмъ тѣмъ оскорбленіямъ и униженіямъ, о которыхъ столько могутъ поразсказать индусскія вдовы.

Индусы вѣрятъ, что такая, еще ребенкомъ ставшая вдовой, дѣвушка сама вызвала смерть своего мужа какимъ-нибудь грѣхомъ, который совершила въ предыдущемъ своемъ земномъ существованіи (вспомните о переселеніи душъ), и за этотъ грѣхъ она не должна имѣть мужа раньше, чѣмъ въ дальнѣйшемъ своемъ перевоплощеніи.

Число такихъ невинно-отверженныхъ страдалицъ далеко не мало. По послѣдней народной переписи, вдовъ въ возрастѣ отъ 5 лѣтъ насчитывается 19,487, въ возрастѣ отъ 10 лѣтъ—115,285 и, наконецъ, въ возрастѣ отъ 15 лѣтъ—391,147! Если отъ массы индусскаго населенія нечего ожидать движенія противъ нелѣпо раннихъ браковъ, зато всѣ ихъ дурныя стороны съ полнымъ единодушіемъ признаются просвѣщенной частью индусовъ. Такъ, Сирдаръ Сингъ считаетъ за лучшее, чтобъ англійское правительство само открыло народонаселенію путь къ освобожденію отъ вреднѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, послѣдствій дѣтскихъ браковъ. Сирдаръ Сингъ далекъ при этомъ отъ мысли о принудительныхъ мѣрахъ, которыя, во-первыхъ, пошли бы вразрѣзъ съ принятой англійскимъ правительствомъ политикой „невмѣшательства“. Прекрасно сознавая все это, Сирдаръ Сингъ полагаетъ, что англійское правительство должно бы предложить желающимъ, будь то одинъ индусъ или цѣлый округъ, добровольно становиться подъ охрану особо изданнаго закона, въ силу котораго бракъ мальчика до 10 лѣтъ и дѣвочки до 12 лѣтъ считается недѣйствительнымъ. Сирдаръ Сингъ, самъ будучи кореннымъ индусомъ, убѣжденъ, что большая часть индусовъ весьма быстро оцѣнила бы благодѣтельное дѣйствіе такого закона, и въ массахъ постепенно воспиталось бы сознаніе ненужности и жестокости вдовьяго положенія въ Индіи. А если англійское правительство, что вѣроятно, не рѣшится на указанную Сирдаромъ Сингомъ мѣру, то исчезнетъ всякое основаніе надѣяться на хоть какое-нибудь уменьшеніе числа дѣтскихъ браковъ даже въ отдаленномъ будущемъ.

Русская пѣвица въ гостяхъ у восточныхъ властителей и генерала Стесселя.

Эта русская пѣвица не кто иная, какъ г-жа Надежда Славянская, побывавшая со своей пѣвческой капеллой въ Турціи и Восточной Азіи и разсказавшая свои интересныя похожденія въ иностранной печати.

Въ декабрѣ 1903 года капелла Славянской прибыла въ Константинополь и, послѣ нѣсколькихъ концертовъ въ театрѣ Перы, получила приглашеніе проконцертировать передъ султаномъ, въ „собственномъ его величества дворцѣ“.

Доставленная туда въ 12 придворныхъ экипажахъ, труппа была задержана во внутреннемъ дворѣ Ильдизъ-Кіоска и тронулась далѣе къ такъ называемому европейскому флигелю только тогда, когда рядомъ съ каждымъ кучеромъ взгромоздился вооруженный турецкій солдатъ. Нарядившись въ пѣвческіе костюмы, капелла подъ конвоемъ двинулась черезъ великолѣпный паркъ къ придворному театру.

Сцена оказалась настолько небольшой, что 45 пѣвцовъ и пѣвицъ съ трудомъ размѣстились на ней. Зрительный залъ былъ невеликъ, но роскошно отдѣланъ. Противъ сцены были расположены три ложи. Въ средней сидѣлъ султанъ, въ простомъ черномъ сюртукѣ безъ орденовъ и въ красной фескѣ; позади него сидѣлъ гофмаршалъ. Въ правой ложѣ находился наслѣдникъ престола, а въ лѣвой — русскій посолъ Зиновьевъ съ первымъ секретаремъ посольства.

Началось пѣніе. Послѣ первой пѣсни, въ залѣ царило прежнее молчаніе. Вторая, третья...—все то же. Спѣвъ десятокъ пѣсенъ, обезкураженная турецкимъ хладнокровіемъ капелла перешла къ концерту на балалайкахъ. Послѣ двухъ-трехъ пьесъ, нисколько не нарушившихъ равнодушія слушателей, сподвижники г-жи Славянской заиграли заунывную народную пѣсенку. Вдругъ изъ султанской ложи прозвучалъ громкій голосъ.

— Дурръ! Дурръ!—кричалъ султанъ.

„Дурръ по турецки значитъ „стой“. Капелла остановилась. Переводчикъ объявилъ желаніе султана, чтобъ начатая пѣсня была сыграна совмѣстно съ любимымъ султанскимъ скрипачемъ.

На эстрадѣ появился Вондра-Бей, скрипачъ султана,—красивый молодой человѣкъ въ раззолоченомъ мундирѣ, мало похожій на турка. Поклонившись до земли своему повелителю, онъ сталъ играть. Балалаечный хоръ ему аккомпанировалъ. Шесть разъ подрядъ повторили пѣсню, затѣмъ капелла исполнила не только русскій, но и турецкій гимны, — очевидно безъ надежды получить великія и богатыя милости. Султанъ, дѣйствительно, оживился во второй разъ, но не закричалъ, а только покивалъ головой.

Явился церемоніймейстеръ съ грудой золотыхъ медалей для труппы и какимъ то диковиннымъ орденомъ для Славянской. Ей же былъ переданъ запечатанный пакетъ; вскрывъ его на досугѣ, Славянская нашла 49 десяти-фунтовыхъ билетовъ. Пятидесятый билетъ прилипъ, по ея мнѣнію, къ рукамъ султанскаго казначея.

Изъ Турціи капелла попала къ эмиру бухарскому. — „Никогда я не видывала столь чувствительнаго человѣка“, — заявляетъ г-жа Славянская по этому поводу. Понравившуюся эмиру пѣсню будто бы повторили разъ двадцать, и всякій разъ онъ заливался слезами. У капеллы ужъ, что называется, въ глоткѣ пересохло, а эмиръ все кричалъ:

— Берко! Берко! (Еще! еще!)

Почему то, однако, ордена эмиръ г-жѣ Славянской не далъ. Дѣло-увы!—ограничилось чуть не шелковымъ халатомъ.

Впрочемъ, въ Персіи восхищенные персидскіе человѣки предложили ей „лучшее, что имѣли“,—коня! Балалаечницы съ негодованіемъ отказались.

Въ Иркутскѣ какія то жены ссыльныхъ (?!), яко бы повергли къ стопамъ падкой на рекламу г-жи Славянской „самое для нихъ дорогое“—корзину съ цвѣтами, въ которой были спрятаны 12 „соболей!!.

Черезъ Сибирь нашъ Хлестаковъ въ юбкѣ прибылъ въ Пекинъ и, разумѣется, прямо къ китайской императрицѣ. Но тутъ, повидимому, дѣло вышло совсѣмъ дрянь, потому что Славянская называетъ императрицу „отвратительнаго вида женщиной, завѣшанной драгоцѣнностями“. Кромѣ такого обращенія, что даже г-жа Славянская покраснѣла, при китайскомъ дворѣ капеллѣ ничего не очистилось. Правда, „одинъ офицеръ“ подарилъ Славянской туфлю императрицы, но... посудите сами, на кой она прахъ, если, при случаѣ, любую калошу ловкій человѣкъ можетъ выдать за слѣдъ Будды?

Въ Харбинѣ капелла дала шесть концертовъ въ простой китайской хижинѣ“, что всего замѣчательнѣе, если для капеллы оказалась мала придворная султанская сцена. Осчастлививъ своимъ посѣщеніемъ Мукденъ, гдѣ тзянь - тзинь преподнесъ Славянской... свою визитную карточку—„это величайшая честь у китайцевъ“, торопится позолотить проглоченную пилюлю наша соотечественница — капелла прибыла въ Портъ-Артуръ.

Ну, конечно,—адмиралъ Алексѣевъ, генералъ Стессель, роскошные обѣды, чудовищные гонорары... словомъ, „мы не жалѣли, что попали сюда“.

„Когда я пришла къ генералу Стесселю“, повѣствуетъ г-жа Славянская: „меня встрѣтилъ швейцаръ-японецъ, доложилъ обо мнѣ лакей-японецъ, а за обѣдомъ я была представлена генеральскому секретарю-японцу. Я не выдержала.

— Скажите, ваше превосходительство, развѣ здѣсь все японское? Неужели вы этого не боитесь?

— Когда вы, — отвѣчалъ Стессель, — даете концертъ въ Петербургѣ и на улицѣ въ это время поетъ арфянка, вы тоже боитесь?

Я засмѣялась и поняла“.

Лучше бы г-жа Славянскаа поняла—и заплакала. Впрочемъ, каждому свое.

Изъ міра таинственныхъ преступленій.

(Кражи со взломомъ и ихъ техника).

Развитіе техническихъ знаній, принося огромную пользу намъ въ общественномъ быту и облегчая, между прочимъ, борьбу съ тѣми членами общества, которые не питаютъ достаточнаго уваженія къ чужой собственности, даетъ въ руки этимъ же правонарушителямъ опасное орудіе, такъ какъ воровское дѣло давно вышло изъ примитивныхъ формъ, какими оно довольствовалось въ старину; число имущественныхъ преступленій ростетъ. Въ Парижѣ, напримѣръ, сто три полицейскихъ участка; въ каждый изъ нихъ ежедневно поступаетъ не менѣе двухъ заявленій о кражахъ со взломомъ. Годичный итогъ получается весьма солидный. Образцовая организація полиціи не можетъ ихъ уменьшить. Антропометрическая система Бертильона, конечно, даетъ прекрасные результаты, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда злоумышленникъ уже разъ побывалъ въ префектурѣ. Воры работаютъ либо въ одиночку, либо артелями; имѣютъ своихъ старшихъ и младшихъ. Въ Лондонѣ и нѣкоторыхъ городахъ на Востокѣ устроены, такъ сказать, штабъ-квартиры, откуда исходитъ починъ въ сложныхъ

Бывшій священникъ спб. пересыльной тюрьмы

Г. А. Гапонъ,

предпріятіяхъ, и куда возвращается добыча при успѣшномъ ихъ осуществленіи. Такъ же, какъ и въ Америкѣ, существуютъ фабрики, занятыя изготовленіемъ воровскихъ орудій, которыя соотвѣтствовали бы послѣднему слову техники. Орудія эти служатъ для того, чтобы воры могли не бояться сложныхъ механизмовъ въ кассахъ и сундукахъ и отпирать всякую дверь, если она имъ покажется интересной.

Иногда прибѣгая къ взрывчатымъ веществамъ, воры, однако, предпочитаютъ средства наименѣе шумныя; таковы: различныхъ видовъ фомки, ключи, отвертки, ломы, гнутые гвозди, отточенные ножички, проволока, соломинки и пр. Ломомъ злоумышленникъ подымаетъ дверь изъ петельныхъ крюковъ, хотя бы она была въ сто пудовъ вѣсомъ. Очень полезенъ для громилъ и клинъ; его вставляютъ въ дверную щель, повыше замка; щель расширяется настолько, что можно пропустить въ нее гвоздь или проволоку, и отодвинуть внутреннюю задвижку или выбросить ключъ изъ замка. Филенки вырѣзываютъ; полы и стѣны буравятъ; съ крышъ снимаютъ кровли... словомъ, всѣ пути пригодны для профессіональнаго громилы.

Если задуманъ походъ на банкъ, ювелирную лавку или ссудную кассу, планъ его разрабатывается до мелочей въ теченіе недѣль и даже мѣсяцевъ. Нищіе, посыльные, подростки, бродячіе музыканты, цыгане,—служатъ агентами для предварительнаго изученія мѣстности, а потомъ и для караульныхъ постовъ, такъ какъ, не разставивъ часовыхъ, опытные воры не приступятъ къ дѣлу. Похищенное сбывается тотчасъ сообщникамъ-укрывателямъ: золото и серебро переплавляется въ слитки, цѣнныя бумаги, либо продаются на мѣстѣ, пока полиція не провѣдала о кражѣ, либо переплываютъ океанъ, и поступаютъ въ укромныя конторы въ Санъ-Франциско, Нью-Іоркѣ и т. д.

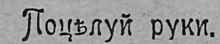
Образуя цѣлые союзы на началахъ взаимопомощи, дѣйствуя по обдуманной системѣ, сообщаясь на условномъ языкѣ, просвѣщенные громилы часто неуловимы для провосудія. Опасное ремесло даетъ имъ большіе барыши: на нажитыя преступленіемъ деньги они устраиваютъ бѣшеные кутежи или проигрываютъ ихъ за зеленымъ столомъ; но иногда заработокъ прячется въ завѣтныхъ мѣстахъ, всегда разныхъ, и служитъ извѣстнымъ обезпеченіемъ для громилы, карьера котораго, въ большинствѣ случаевъ, все-таки, завершается въ тюрьмѣ.

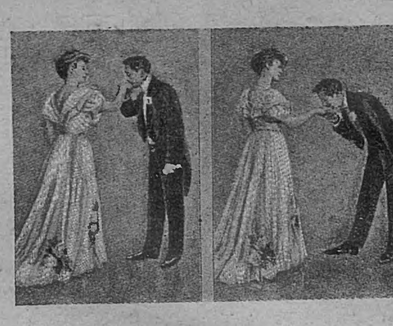
Лейтенантъ Шмидтъ.

Краснокожія дѣвицы въ ихъ современномъ видѣ.

Послѣдніе, самые потаенные уголки „Дальняго Запада“ нынѣ открыты для бѣлыхъ. Охота, свободныя кочевья въ степи навсегда кончились для краснокожихъ. Нѣтъ болѣе тропинки войны. Калюметъ или „трубка мира“ потеряла всякое значеніе и смыслъ, такъ какъ нарушителей мира попросту сажаютъ въ тюрьму. Романтическій томагавкъ навсегда зарытъ въ землю. Дѣти Великаго Духа должны стать мирными землепашцами, а ихъ сыновья и дочери—ходить въ школу. Мокассины, пестрыя шкуры и орлиныя перья смѣнились городской одеждой. Вмѣсто того, чтобы убирать вигвамы своихъ родителей, молодыя „индѣйскія лэди“, изображенныя на нашемъ рисункѣ, изучаютъ литературу, искусства, играютъ на роялѣ.

Поцѣлуй руки.

Поцѣлуй руки у американцевъ. Интимный поцѣлуй.

Разныя бываютъ мнѣнія, въ томъ числѣ и объ одномъ изъ галантныхъ обычаевъ „добраго стараго“ времени — поцѣлуѣ дамской ручки. Есть люди, находящіе этотъ обычай смѣшнымъ. Есть дамы, которыя весьма энергично и быстро отдергиваютъ свою руку, какъ только замѣчаютъ, что мужчина обнаруживаетъ поползновеніе поднести ее къ губамъ. Со стороны врачей также раздаются голоса противъ поцѣлуя, характеризующіе его въ качествѣ опаснѣйшаго переносчика болѣзней. Но голоса эти звучатъ порядкомъ-таки разрозненно и нашли себѣ весьма малый откликъ въ публикѣ. Вѣдь если опасенъ поцѣлуй, то не менѣе опасны и рукопожатія, и прочія внѣшнія проявленія общественности, а устраненіе ихъ было бы геркулесовскимъ подвигомъ.

Нынѣ поцѣлуй руки все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе. Если же дама не любитъ этого „обряда“, то ей, самое лучшее, совсѣмъ не протягивать руку, подобно коронованнымъ особамъ, которыя, если подаютъ руку, такъ только для поцѣлуя. Это, во всякомъ случаѣ, болѣе прилично и менѣе оскорбительно, чѣмъ отдергивать или вырывать руку, такъ что кавалеру приходится цѣловать съ глупой миной воздухъ. — Существуютъ нѣсколько манеръ цѣловать руку. Въ Америкѣ кавалеръ, не склоняясь, подноситъ дамскую руку къ губамъ. Въ Германіи и Россіи кавалеръ, напротивъ, склоняется надъ протянутой ему рукой, отнюдь не подымая ее кверху. Разумѣется, поцѣлуй не долженъ быть громкимъ чмоканіемъ. Такъ же нехорошо и излишняя „воздушность“ поцѣлуя. Словомъ, онъ долженъ произвести впечатлѣніе мягкаго прикосновенія къ кожѣ.

Поцѣлуй изъ уваженія къ годамъ.

Надо ли говорить, что руки цѣлуютъ, кромѣ собственныхъ дѣдовъ и отцовъ, только у женщинъ, да и то не у всѣхъ, а у замужнихъ или пожилыхъ. У молодыхъ дѣвушекъ никогда не цѣлуютъ руки, во избѣжаніе всякихъ нареканій и сплетней. Конечно, все зависитъ отъ обстоятельствъ, но общее правило—таково.

Поцѣлуй „послѣдняго фасона“.

Краснокожія дѣвицы въ ихъ современномъ видѣ.
Съ фотографіи Дж. Байна, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Редакторы: П. Н. Милюковъ и І. В. Гессенъ. Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Галерная ул., № 40. Издатель С. М. Пропперъ.